

4—10 июня
1998
№4225

РУССК

Еженедельник, выходит по четвергам.
4 juin. Cinquante-deuxième année.

LA P

«Мы переживаем очень напряженный период»

С Егором Гайдаром
беседуют
Ирина Иловайская
и Барбара Спинелли

Егор Тимурович Гайдар прибыл во Францию 24 мая, по приглашению Французского института международных отношений (ФИМО), фирмы "Томсон" и еженедельника "Русская мысль". Во время своего короткого визита (он длится всего два с половиной дня) Е.Т.Гайдар прочел лекцию для членов и приглашенных ФИМО и был почетным гостем на устроенном этим институтом банкете, где беседовал с представителями политического, экономического и культурного мира Франции. Кроме того, он имел ряд встреч с представителями президентского управления, совета министров и министерства иностранных дел, а также с главными экономическими и финансовыми деятелями страны.

Однако самым главным в этом его визита были, пожалуй, многочисленные личные встречи Гайдара с представителями французской культурно-политической элиты и с теми, кого по-английски называют *opinion-makers*: создатели общественного мнения. Целью этих встреч было сделать немного более понятной и близкой страну, которая для очень многих остается еще совершенно нерасшифрованной, чужой и несколько пугающей. Именно в этом смысле посещение Франции Е.Т.Гайдаром принесло России очень большую пользу.

Мы предлагаем нашим читателям текст интервью, которое сразу по приезде в Париж Е.Т.Гайдар дал совместно итальянской газете "Стемпе" и "Русской мысли".

— Решение президента Ельцина распустить правительство вызвало некий шок в российских и иностранных СМИ. Нельзя сказать, чтобы оно было непонятным для тех, кто серьезно следил за развитием событий в России, так как нечто подобное представлялось почти неизбежным, тем не менее, когда о решении было объявлено, началось большое волнение, да и вы сами, Егор Тимурович, тогда срочно отменили свой визит во Францию. Визит состоялся только теперь, на месяц позже.

Фото И. Бобровской.

Е. Гайдар

— Действительно надо было ожидать, что нечто подобное произойдет, но шок был вызван тем, что решение это радикальным образом противоречило тому видению ситуации, которое преподносилось нашими финансовыми группировками, являющимися одновременно хозяевами средств массовой информации. Они так убежденно и настойчиво внедряли образ Черномырдина в качестве преемника Ельцина, что в конце концов у большинства действительно сложилось представление, что так оно и будет, словно это уже решенный вопрос.

А ведь если проанализировать внимательно работу правительства за последние месяцы, становится совершенно понятно, что смена правительства была необходима. Черномырдин стоял во главе правительства более пяти лет. После канцлера Коля он был главой правительства, пробывшим самое долгое время на своем посту. За такое долгое время накапливаются ошибки, ответственность правительства становится все больше, в том числе и за компромиссы в тех случаях, когда приходится идти на компромиссы.

Как раз это и произошло. Накопилось слишком большое количество ответственности за многое. Но главный груз — это влияние финансовых групп, требовавших, чтобы правительство подчинилось их воле и делало то, что им было выгодно, а не то, что в интересах страны.

Окончание на стр. 8-9

Начало см. стр. 1

К тому же правительство в последнее время сильно разделилось внутренне, ему трудно было работать в согласии и преследовать единые цели.

В конце декабря я отдал себе отчет в том, что у этого правительства не больше нескольких месяцев жизни. Это стало ясно, когда в течение одной недели было принято два радикально противоположных решения относительно налогообложения фирм, которым принадлежат средства массовой информации. В январе-феврале президент оказался перед альтернативой весьма непростой. Ельцину предстоит оставаться на президентском посту еще два с половиной года. Ему нужно правительство, которое бы исправило положение в стране за это остающееся перед ним время.

Сохранить правительство Черномырдина означало сохранить стабильность, но такое правительство не смогло бы провести серьезные реформы. Поэтому надо было выбирать между стабильностью и реформами, которые становились совершенно необходимыми. Надо сказать, что президент долго колебался, прежде чем принять решение. В конце концов он предпочел нарушить стабильность, хотя она могла быть спокойнее и приятнее, и создать новую команду, чтобы действительно провести в жизнь реформы. По моему мнению, он поступил умно и правильно.

Сначала, конечно, всех удивил выбор Кириенко на пост премьер-министра. Молодой человек, сравнительно неизвестный... Он был министром топлива и энергетики в предыдущем правительстве, но пока ничем особо не отличился, его не знают. Президент Ельцин — единственный человек, который может ответить на вопрос, почему он остановился на этом кандидате.

— На Западе была распространена версия, согласно которой именно вы предложили кандидатуру Кириенко.

— Повторяю, это вопрос, который можно задать только президенту. Все ожидали назначения Немцова, человека уже известного, с немаловажным опытом губернатора большой области, к которому президент — так считают все — относится очень благожелательно. Но такой выбор, по всей вероятности, означал бы открытый и безвыходный конфликт с думским большинством. Правда, многие считали, что при третьем голосовании Дума примет кого угодно, но предложить ей Немцова означало бы такой вызов, что даже в этом исходе нельзя было иметь уверенность. Можно было пойти на роспуск Думы и досрочные выборы. Однако это повело бы к ряду осложнений, столкновений, к немалым расходам. Мне представляется, что выбор президента можно истолковать так: он предложил Думе человека мало известного и как бы достаточно нейтрального, всем пока еще безразличного, именно чтобы дать ей возможность на третий раз его принять.

Добавим, что, если Думе ничего не было известно о Кириенко и она не могла о нем судить, у президента, наоборот, была возможность ознакомиться с его работой и способностями. Он знал, что Кириенко — человек очень работоспособный, исполнительный, с хорошим интеллектуальным уровнем. Президент был о нем хорошего мнения.

Разумеется, последовали полтора месяца крайне напряженных переговоров. Но из них удалось выйти без таких уступок со стороны президентской администрации, которые могли бы стать обузой на будущее. Можно сказать, что президент добился того, чего хотел, достаточно малой ценой.

Сегодня самая важная проблема для России — это разделение между большими финансовыми группировками и государством. После Ельцина Кириенко — это человек, располагающий наибольшими шансами успешно вести борьбу за это разделение, потому что он никому ничем не обязан. И так, стало возможным сформировать правительство, которое сможет работать, планировать работу, рационально ее организовать, затем приводить в исполнение принятые решения.

Надо сказать, что новому правительству в ближайшее время придется столкнуться с трудностями, которые породе-

ны именно его хорошими качествами. Мне в этом правительстве особенно нравится то, что оно никак не связано с теми мощными финансовыми группировками, которые располагают средствами массовой информации или являются их хозяевами. Разумеется, именно независимость правительства им очень не по душе, и

они именно его хорошими качествами. Мне в этом правительстве особенно нравится то, что оно никак не связано с теми мощными финансовыми группировками, которые располагают средствами массовой информации или являются их хозяевами. Разумеется, именно независимость правительства им очень не по душе, и

они именно его хорошими качествами. Мне в этом правительстве особенно нравится то, что оно никак не связано с теми мощными финансовыми группировками, которые располагают средствами массовой информации или являются их хозяевами. Разумеется, именно независимость правительства им очень не по душе, и

«Мы переживаем очень напряженный период»

С Егором Гайдаром беседуют Ирина Иловайская и Барбара Спинелли

они сделают все, чтобы показать, что без их поддержки и сотрудничества правительство не может управлять страной.

Несомненно, есть множество серьезных проблем, экономических, финансовых, а также связанных с угольной промышленностью. Это действительность. С другой стороны, тот факт, что как раз после создания нового правительства началась эскалация проблем, существовавших уже очень давно, эскалация совершенно фантастическая, — по моему

мнению, что происходит, твердо решило, что должно сопротивляться и принять четкие и твердые меры, сопротивляться этой попытке все разрушить и взорвать. Правительство и Центробанк объявили, что есть приоритеты, которые надо соблюдать в первую очередь, особенно в современном положении России.

Приоритет первый — сохранить ценность рубля. Для этого Центробанк был готов сильно повысить процентные ставки, что и произошло 18 мая.

Е. Гайдар в редакции «Русской мысли».

мнению, не случаен. У меня нет доказательств, но я считаю возможным предположить, что тут была некая запланированная и целенаправленная акция.

Так вот, первая проблема, с которой нам приходится иметь дело, — это финансовый кризис на российском денежном рынке, а затем все проблемы, касающиеся шахтеров. Финансовая ситуация — продукт целого ряда проблем, каждая из которых сама по себе не была первостепенной, можно даже сказать, что все они были второстепенными. Но все вместе, скопившись, они создали действительно серьезную проблему. Тут сыграл роль и южноазиатский кризис, в частности Индонезия, а к этому присоединились специфические проблемы российской жизни.

Характерен пример, касающийся фразы председателя Центробанка Дубинина. Он сказал, что если правительство будет и далее идти на поводу у крупных финансовых группировок, у «олигархов», то к осени у нас начнутся очень серьезные экономические проблемы. Первую часть его фразы опустили, оставили только последние слова: «к осени начнутся экономические проблемы». Центробанк немедленно опроверг эту версию СМИ и уточнил, от чего будут зависеть экономические проблемы, но, как обычно бывает в таких случаях, не все напечатал опровержение, и никто не обратил на него внимания, словно его и не было. Ведь СМИ должны были сами себя опровергнуть, а это им не нравится, да и цель акции не была достигнута.

Далее была история с подписанием закона о приватизации самого большого комплекса природных ресурсов России РАО-ЕЭС. Президент подписал закон, согласно которому иностранные инвесторы не могут владеть более чем 25% капитала, в то время как по ныне действующему закону они имеют право на 28%. Новый закон противоречит конституции, противоречит Гражданскому кодексу и вообще нереален. Но он подписан, и это вызвало настоящую панику. А президента вынудили его подписать. Он наложил вето, но обе палаты — Дума и Совет Федерации — вето преодолели. Таким образом, закон вступил в силу. Но поскольку он противоречит и конституции, и законам, правительство уже зая-

вило, что обратится в Конституционный суд и потребует отмены закона, ибо не может наносить ущерб интересам иностранных инвесторов.

С этой истории началась нарастающая ныне паника. Она грозила настоящим кризисом на российском финансовом рынке. Сначала правительство реагиро-

вало медленно и осторожно, но затем, поняв, что происходит, твердо решило, что должно сопротивляться и принять четкие и твердые меры, сопротивляться этой попытке все разрушить и взорвать. Правительство и Центробанк объявили, что есть приоритеты, которые надо соблюдать в первую очередь, особенно в современном положении России.

Самое простое было бы для правительства заплатить еще раз, забрав деньги из другого сектора, — как я уже говорил. Но если так поступать, то возникнет абсолютно некончаемая цепь, безвыходная ситуация. Все бы считали, что можно красть дальше, безнаказанно и до бесконечности.

— Известны ли цифры потерь, которые таким образом понесла казна?

— Официально они не объявлены. Но Кириенко они несомненно известны. Для правительства же не было много пути, как начать борьбу с теми, кто ворует. К этому оно и приступило. Для этого создано пять специализированных бригад. Их задача — как можно скорее выявить методы и механизмы такого рода операций и найти тех, кто непосредственно за них отвечает.

К счастью, среди шахтеров и среди их руководителей оказалось немало разумных людей, прекрасно отдающих себе отчет в бессмысленности ситуации и в безнадежности ее, если не положить всему этому конец. Поэтому они готовы сотрудничать. Мне кажется, что ближайшие недели будут решающими для правительства Кириенко. Если он устоит против всей поднятой против его правительства кампании, он справится с этими первыми двумя проблемами и сможет приступить к решению дальнейших.

— Есть, значит, твердая решимость бороться с возникшей связью между политической, экономической и мафией, организованной преступностью?

— Да, я бы сказал, что есть решимость идти в этом направлении. Есть ясное понимание того, что происходит, а также того, какова ставка в игре, и будет сделано все возможное. Но я совершенно не чувствую себя в состоянии сейчас предсказывать, в какой мере нам все это удастся.

— Ельцин, как видно, четко избрал свое поле действия, он хочет проводить реформы. Что толкнуло его в эту сторону после того, как в 1994 г. казалось, что он избрал совсем иной направление? И какую роль играете вы во всем этом?

— Сегодня мы в России в том же состоянии, как человек на велосипеде. Остановиться нельзя, потому что свалишься. Трудно, ты едешь в гору, ты устал, но знаешь, что одного нельзя — остановиться, потому что это конец всему. Ельцин — не экономист. Все то, что он понял, всегда было плодом конкретного опыта. И уже несколько раз он убеждался в том, что, как только прерываются реформы, ситуация начинает скатываться а сторону катастрофы.

им грозит смертельная опасность, ничего сделать они не могут.

И вот тут мы затрагиваем вопрос ответственности предыдущего правительства. Оно не виновато в неплатеже, ибо платило. Иногда даже больше, чем должно было. Но оно оставалось совершенно пассивным и бездейственным перед лицом криминализации промежуточной среды. Речь идет о путях прохождения денег от центра к кредитному. Пассивность породила состояние всеобщего воровства и круговой поруки, на которые никто не реагировал.

— Это можно отнести ко всем секторам народного хозяйства?

— Ситуация сложнее в том, что касается шахтеров. Тут есть еще одна составляющая, в именно зарплата, которая насчитывается за несделанную работу. Директор говорит своим рабочим: «Сейчас мы вам заплатить не можем, но зато мы вам начислим в три раза больше, чем то, что вы на самом деле заработали. Подождите, когда-нибудь заплатят». И так растут фиктивные задолженности. Это, конечно, все-таки случаи отдельные, как бы экзотика, но та ситуация всеобщего воровства, о которой шла речь раньше, — это действительно всеобщее явление.

Самое простое было бы для правительства заплатить еще раз, забрав деньги из другого сектора, — как я уже говорил. Но если так поступать, то возникнет абсолютно некончаемая цепь, безвыходная ситуация. Все бы считали, что можно красть дальше, безнаказанно и до бесконечности.

— Известны ли цифры потерь, которые таким образом понесла казна?

— Официально они не объявлены. Но Кириенко они несомненно известны. Для правительства же не было много пути, как начать борьбу с теми, кто ворует. К этому оно и приступило. Для этого создано пять специализированных бригад. Их задача — как можно скорее выявить методы и механизмы такого рода операций и найти тех, кто непосредственно за них отвечает.

К счастью, среди шахтеров и среди их руководителей оказалось немало разумных людей, прекрасно отдающих себе отчет в бессмысленности ситуации и в безнадежности ее, если не положить всему этому конец. Поэтому они готовы сотрудничать. Мне кажется, что ближайшие недели будут решающими для правительства Кириенко. Если он устоит против всей поднятой против его правительства кампании, он справится с этими первыми двумя проблемами и сможет приступить к решению дальнейших.

— Есть, значит, твердая решимость бороться с возникшей связью между политической, экономической и мафией, организованной преступностью?

— Да, я бы сказал, что есть решимость идти в этом направлении. Есть ясное понимание того, что происходит, а также того, какова ставка в игре, и будет сделано все возможное. Но я совершенно не чувствую себя в состоянии сейчас предсказывать, в какой мере нам все это удастся.

— Ельцин, как видно, четко избрал свое поле действия, он хочет проводить реформы. Что толкнуло его в эту сторону после того, как в 1994 г. казалось, что он избрал совсем иной направление? И какую роль играете вы во всем этом?

— Сегодня мы в России в том же состоянии, как человек на велосипеде. Остановиться нельзя, потому что свалишься. Трудно, ты едешь в гору, ты устал, но знаешь, что одного нельзя — остановиться, потому что это конец всему. Ельцин — не экономист. Все то, что он понял, всегда было плодом конкретного опыта. И уже несколько раз он убеждался в том, что, как только прерываются реформы, ситуация начинает скатываться а сторону катастрофы.

Это стало особенно ясно в 1996-1997 гг., когда после выборов большой президент создал самое слабое правительство за весь свой президентский срок. Результатом стала поистине взрывоопасная ситуация весны 1997 года. Тогда действительно не платили зарплат и

Ирина Иловайская и Егор Гайдар.

пенсий и нарастала опасность серьезного социального взрыва. Вот тогда Ельцин и произнес свою пресловутую речь (в тот момент недостаточно замеченную), в которой заговорил о программе настоящих серьезных реформ в качестве стержня будущей политики. В начале весны 1998 г. ситуация была менее серьезной. Но все же реформы не продвигались вперед должным образом. Повторяю: Ельцин не экономист, но он одарен необыкновенным политическим чутьем. Это помогает ему ориентироваться в ситуациях, и тут произошло именно это.

— Когда-то Сергей Ковалев сказал, что Россия вступает на путь либерализации всегда после поражения. Крымская война, японская война, афганская война, наконец, Чечня. Как вы оцениваете это его суждение?

— Я склонен с ним согласиться по очень простой причине. Никто не приступает к реформам охотно, потому что они всегда сложны, трудны и связаны с массой неприятностей. Надо, чтобы обстоятельства вынуждали прибегать к реформам, иначе никто добровольно на них не пойдет. Поэтому это суждение кажется мне правильным. Пока общество считает, что ему живется спокойно и хорошо, оно не хочет нарушать существующего равновесия. Но вот если общество начинает понимать, что положение его опасно и что опасность будет возрастать, если чего-то не предпринять, тут оно обязательно находит решимость производить какие-то изменения и начинать реформы.

Если посмотреть в глубь ситуации, то мы поймем, что само крушение социалистической системы и все то, что это крушение выявило, неизбежным образом открыло путь реформам. Что же касается Чечни, то я полагаю, что если бы эту войну вели более умным образом, с российской точки зрения, и если бы вели ее успешно для России, то мы не имели бы сегодня той военной реформы, которая все-таки происходит, и не было бы во главе министерства обороны человека, который действительно хочет провести эту реформу.

— Если не ошибаюсь, в 1993 г. вы сказали, что можно провести сравнение между сегодняшней Россией и Веймарской Германией, но что для России важно брать пример не с германской республики времен Веймара, а ориентироваться на ФРГ после Второй Мировой войны. Вы имели в виду те сильные тенденции к национализму, к реваншу и к восстановлению имперского величия, которые были характерны для Веймарской республики. Думаете ли Вы так и поныне?

— Да, я по-прежнему считаю, что это очень важные для России исторические примеры, своего рода предупреждения. Хотелось бы сказать, что национализм, шовинизм, смесь черного с красным или коричневого с красным, мечты о территориальной экспансии — все это ушло в далекое прошлое, но, к сожалению, в России это еще не совсем так, это было бы чересчур оптимистическим суждением.

У нас действительно существует очень странная смесь красно-коричневого, крайнего национализма и красных флагов, под которыми вдруг появляются императорские орлы. В нынешней ситуации у меня впечатление, что нацистская тенденция в России еще опаснее, чем крас-

ная или чисто коммунистическая. После 1996 года. Как мне представляется, нацизм, упакованный в красную обертку, имеет в России мало шансов на победу, в то время как откровенный нацизм начинает становиться серьезной угрозой. Красные уже не имеют опоры ни среди молодежи, ни в среднем поколении. Но очень тревожит то, что коричневые попользуются достаточно большим успехом именно среди молодежи. В чем-то это напоминает Восточную Германию. И при этом абсолютная пассивность судебных властей и прокуратуры: они никак не реагируют на нацистскую пропаганду. Это не может быть случайно. Совершенно ясно, что в этих кругах — суды, прокуратура — очень многие относятся с симпатией к нацизму.

— Получается так, что в России на семом деле не проведена реформа правосудия и реформа того, что принято называть силами охраны порядка?

— Это как раз то направление, в котором было проведено меньше всего реформ, а то, что было сделано, было чрезвычайно поверхностным и больше для формы. Бесспорно сделано одно: достигнута полная независимость судов. Это реально, и в стратегическом плане это важно и имеет положительное значение. Но при этом мы не можем забывать о том, кто наши судьи, в какие времена они формировались и какие выработались у них навыки, какие убеждения им присущи. В результате можно сказать, что эта реальная полная независимость судов может оборачиваться и совершенно отрицательным фактором. Что же касается прокуратуры, то она не только не была реформирована, но ровно наоборот: нынешнее законодательство ставит ее вне всякой возможности реформ, ее изменить при ныне действующих законах просто нельзя. Это та сфера общественной жизни, которая вообще не была затронута. Это может привести к чрезвычайно опасным ситуациям.

— Если проанализировать историю реформ, создается впечатление, что все было сосредоточено на экономике и очень мало внимания обращалось на законодательство, систему правосудия, силы охраны порядка и тому подобное. Правильно ли мы вас понимаем?

— Есть такая русская поговорка: бодливой корове Бог рог не дает. Еще с царских времен в России, со времен империи, все полностью зависело от воли царя и всякое ведомство было прямо подчинено царской воле и царским приказам. И далее эта традиция продолжалась и усиливалась: от царской России она перешла в Россию советскую — все зависело от центральной власти, от очень немногочисленной верхушки. К сожалению, то же самое явление во многом мы еще наблюдаем и в нынешней России на ее пути к демократии. Те министерства, которые у нас принято называть силовыми, — это всегда и неизменно ведомства, прямо зависящие от верховной власти. А ведь — еще раз возвращаясь к прошлому, к самым положительным его периодам — надо сказать, что и в столыпинские, например, времена министр обороны не имел права докладывать совету министров, он подчинялся прямо царю.

Проводя реформы, мы попытались изменить эту сферу общественной жизни, но нам приходилось ограничиваться теми секторами, к которым мы имели прямой доступ. Мы всегда отдавали себе отчет в той огромной опасности, которая вытекала из отсутствия в окружении Ельцина людей, способных реформировать сектор сил охраны порядка.

— Если подвести итоги, то придется сказать, что реформировать надо все государство как таковое?

— Без всякого сомнения. Корни этого государства все еще уходят в тоталитарную действительность, а это — источник постоянной заразы, он ведет к заболеванию и в той части демократической действительности, которую на сегодняшний день удалось создать.

— Каково ваше мнение о победе Александра Лебедева в Красноярском крае и ваш взгляд на его будущее как политика?

— Всего несколько месяцев тому назад казалось, что он потерял все шансы на политическую карьеру. Все зависело от исхода этих красноярских выборов. Выиграв их, он вновь вступает на политическую арену в ряду тех, кто борется за

власть. У него есть одно преимущество: до сих пор он никогда не нес ответственности за вопросы гражданского управления. Поэтому все то, что он говорит и что нередко звучит очень похвально, все же остается в сфере абстрактных рассуждений. На деле он не мог испытать своих теорий. Сейчас он будет отвечать за огромный и очень сложный регион, и это преимущество у него исчезает. Станет ясно, что он реально может и умеет делать: ему придется принимать решения, выбирать сотрудников, добиваться исполнения своих решений, выносить суждение о происходящем. Раньше всего этого не было. Если результаты будут положительными, это будет прекрасно для Красноярского края. Если они будут отрицательными, то можно будет сказать, что лучше проводить опыт в одном регионе, даже очень большом, чем в масштабах всей страны.

— Что вы думаете о поведении западных стран по отношению к России? Считаете ли вы, что они совершали какие-либо серьезные ошибки?

— Прежде всего я считаю, что нет никого на свете, кроме нас самих, кто мог бы за нас решать наши проблемы и защищать наши интересы, — это наше дело, мы сами должны этим заниматься. Нам необходимо перестать видеть в Западе такого опереточного злодея, который во что бы то ни стало хочет задушить нашу матушку Россию. Также надо перестать и мечтать о щедром дядюшке, который подарит нам все нужные нам деньги. Это наши проблемы, наша ответственность, мы сами должны искать и находить ответы.

Я должен сказать, что далеко не всегда считаю разумными и стратегически правильными некоторые поступки западных стран по отношению к России. Но прежде всего я убежден, что нельзя обижаться и впадать в истерику. Нам надо учиться защищать свои интересы цивилизованным образом.

— Одна из тех ошибок, о которых вы говорите, — это расширение НАТО?

— Да, и это. Я прекрасно понимаю причины, по которым страны Восточной Европы хотят вступить в НАТО, но в то же время понимаю, что расширение НАТО не является решением стратегических проблем XXI века. Ведь это попытка продлить политику, которая без сомнения была успешной, но ее эпоха кончилась, а сейчас речь идет о временном приспособлении к обстоятельствам, к конъюнктуре.

НАТО — это организация, рожденная для того, чтобы предупредить попытку СССР напасть на Западную Европу и ее завоевать. Это было тогда очень серьезной и важной задачей. Но сегодня никто не может всерьез думать о силовом масштабном проникновении России на территорию Центральной или Восточной Европы. Поэтому мне кажется стратегически неумным отвечать на возникающие, несколько искусственные, вопросы расширением организации, чья историческая роль, на мой взгляд, исчерпана.

— Когда мы рассматриваем сегодняшнюю Россию, у нас создается впечатление, что в ней установился дикий капитализм, похожий на его первоначальные формы и связанный с преступным миром. И в России, и в левых западных кругах есть склонность утверждать, что все трудности вызваны именно капитализмом. Может быть, правильнее было бы сказать, что ответственность лежит на коммунистическом наследии и что оно по своей природе мешает нормальному переходу?

— Социализм в его тоталитарной форме — самая большая социальная и экономическая аномалия, когда-либо существовавшая в истории современного мира. Она предполагает фундаментальное изменение всех форм жизни, организации жизни и общества по сравнению со всем привычным, традиционным, испытанным, со всем, что работало ранее в мире. В ней есть экономический потенциал в смысле ускорения промышленного развития, но система содержит в себе противоречия, и именно с ускорением промышленного развития они становятся настолько сильными, что неизбежно ведут к саморазрушению. Об этом, кстати, моя последняя книга — «Аномалия экономического роста».

Но когда наступает неизбежный момент крушения социализма, капитализм не появляется, как красавица Афродита, выходящая из морских волн. Он появля-

ется весь в ранах и язвах, и тут мы отдаем себе отчет в том, что социализм разрушил столько составляющих нормальной человеческой жизни, совершенно необходимых для того, чтобы общество могло нормально жить и действовать, что иначе и не могло быть.

Вот, например, контракты и их выполнение. После 75 лет коммунизма где вы найдете традицию выполнения контрактов, вообще коммерческую традицию, нормальное распределение товаров, уважение к частной собственности? Полностью отсутствует все то, что делает капитализм жизнеспособным и привлекательным. Он является в самой отталкивающей и уродливой форме. И тогда происходит то, что мы имеем сегодня в России: коммунизм рухнул, а нам надо за несколько лет построить то, что медленно, тщательно, с трудом создавалось в течение веков в тех странах, которые не прошли через этот разрушительный опыт. Нам же приходится как-то справляться с этой проблемой за несколько лет, с невероятными усилиями и с элементом насилия.

— Не считаете ли вы, что социализм разрушил веру человека в самого себя и в свой труд — два основополагающих элемента как раз нормальной жизни?

— Социализм оставляет за собой нечто очень странное, что я назвал бы инфантилизмом в отношениях между человеком и государством. Коммунизм создает ментальность и сознание ребенка. Недаром же были позунги о «материнской заботе социалистического строя о своих людях». Имеются в виду не граждане: гражданин не может быть, есть дети. Государство, с точки зрения социализма, существует не для людей, хотя это они его содержат, ибо платят налоги. Эта детская ментальность лежит в основе множества проблем, которые мы могли бы назвать постсоциалистическими.

Трудно объяснить ребенку, что не можешь купить ему мороженое, потому что нет денег: ребенок этого не поймет. Это не его дело. Поэтому очень интересно наблюдать за преображением этой детской ментальности сейчас, когда социалистическая эра пришла к своему закату. Мы все сохраняем еще эту детскую ментальность, но уже с другой направленностью. Раньше у нас был суровый, но справедливый отец, государство, имевшее полное право наказывать, а иногда и приласкать, дать конфетку. А теперь государство стало отчимом: злым, но трусливым, и если прижать его к стене и дать пару пощечин, он в конце концов все тебе даст. И в то же время появилась иллюзия о капиталистических папе и маме, которые будут баловать и дадут все, чего попросишь.

И вот вдруг ребенку говорят: всё, детство кончилось, надо начинать работать и зарабатывать себе на жизнь, самому ее строить — это ужасная травма.

В России мы это наблюдаем с особой яркостью. Реформы у нас были медленными, мы то двигались вперед, то возвращались назад, поэтому все эти явления были менее заметными. Там, где реформы прошли стремительно и эффективно, как в Польше, это состояние больше бросается в глаза.

— России еще предстоит пережить шоковую терапию? А может ли это привести к социальному взрыву?

— Нет, на самом деле Россия уже прошла через ряд перемен, но это не было шоковой терапией, реформы были медленными и оставались незаконченными. Поэтому психологический, моральный и жизненный шок меньше бросается в глаза. Он гораздо более заметен в стране, где экономика уже работает, а люди должны справиться с совершенно новой ситуацией и еще не научились это делать.

— А социальный взрыв? Вы считаете, что опасность в 1997 году, о серьезности которой вы говорили, была больше, чем та, что все-таки существует сейчас?

— Вероятно, я смогу дать более уверенный и четкий ответ через некоторое время, и даже довольно скоро. Но нет сомнения в том, что мы переживаем очень напряженный период. О его причинах мы уже говорили в начале беседы.

Беседу вели
ИРИНА ИЛОВАЙСКАЯ
и БАРБАРА СПИНЕЛЛИ

Фотографии Ирины Бобровой.